

КРИСТИНА
ГЕНРИ

РУСАЛКА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9 (73)

ББК 84(7Coe)-44

Г 34

Christina Henry

THE MERMAID

All rights reserved including the right of reproduction
in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with
Berkley, an imprint of Penguin Publishing Group,
a division of Penguin Random House LLC.

Перевод с английского *Веры Соломахиной*
Дизайн обложки *Екатерины Фerez*

Генри, Кристина.

Г34 Русалка: [роман] / Кристина Генри; пер. с англ.
В. Соломахиной. — Москва: Издательство АСТ,
2021. — 320 с. — (Злые сказки Кристины Генри).

ISBN 978-5-17-116623-6

На холодном скалистом берегу жил-был рыбак. Он и пред-
ставить не мог, что когда-нибудь найдется женщина, которая
согласится переехать к нему в такое мрачное место. Однаж-
ды вечером он вытянул свои сети и обнаружил в них девушку.
С черными волосами, глазами, серыми, как штормовое море,
и блестящим рыбьим хвостом вместо ног.

Буря ее глаз проникла в сердце рыбака. При звуках его голо-
са девушка перестала биться и трепыхаться, хотя и не понимала
ни слова. Но ее глаза заглянули ему прямо в душу, и одиночество
рыбака пленило ее надежнее, чем сеть. И она осталась с ним, и
любила его, хотя по прошествии лет он состарился, а она — нет.

Слухи об этой странной и необычной женщине передава-
лись из уст в уста, пока не достигли ушей человека, чей бизнес
заключался в продаже всего странного и необычного.

Его звали Ф. Т. Барнум, и он искал русалку.

УДК 821.111-312.9 (73)

ББК 84(7Coe)-44

Copyright © 2018 by Tina Raffaele

© В. Соломахина, перевод на русский язык,
2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

ISBN 978-5-17-116623-6

*Посвящается Коре –
на суше и на море.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**РЫБАК
И РУСАЛКА**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Давным-давно на промозглом скалистом морском берегу жил да был рыбак, одинокий как перст, и всё никак ему не удавалось заманить в эти суровые места ни одну женщину, чтобы коротать вместе век.

Море ему было дороже любой живой души, вот и не получалось обзавестись супругой, ибо женщины гораздо проницательней, чем хотелось бы мужчинам.

Как ни нравились ему фонтаны ледяных брызг в лицо да плывущие на горизонте облака, а без любви одолевала сердце тоска. Однажды вечером после долгого дня вытянул он невод, и оказалась в нём то ли женщина, то ли диво какое в женском облике — волосы как смоль, глаза, словно бурное серое море, да переливающийся рыбий хвост.

Жалко стало рыбаку бедняжку, и попросил он прощения, хотя отголоски шторма в её глазах глубоко запали ему в душу. Услышав его голос, она тут же затихла, хоть и не ведала, о чём речь. Отпустил рыбак добычу на волю, и в мгновение ока

скрылась русалка в родной стихии. Он только проводил её взглядом.

Но перед тем успела проникнуть женским чутьём в сиротливую душу, и засела его тоска занозой в сердце, и лишилась она покоя, попалась крепче, чем в сети.

Как ни старалась русалка поскорее убраться подальше, его одиночество связало их прочными узами. Не желала она поддаваться слабости, возвращаться к рыбаку, и всё была серебристым хвостом, устремив взор прямо перед собой, не смея оглянуться.

Но даже ни разу не оглянувшись, она чувствовала на себе его взгляд и запомнила силуэт лодки, и крутой скалистый берег неподалёку, и морщинки вокруг глаз, тёмных, как бездна морская в лунную ночь. Никак не могла выбросить из головы и всё возвращалась на него поглядеть.

У Русалки было имя, на её родном языке оно означало «Пронзающая морскую гладь». Она так спешила появиться на свет, что родилась гораздо быстрее шестерых старших братьев и сестёр, и к немалому изумлению повитухи, принимавшей роды, даже порывалась уплыть прочь, не дожидаясь, когда перережут пуповину, связывавшую с матерью.

Пока она росла, вся родня только тем и занималась, что разыскивала, куда же эта непоседа запропастилась в очередной раз, её постоянно предупреждали об опасностях, подстерегающих на поверхности, о сетях, что расставляют люди,

РУСАЛКА

и о том, как жестоко они обходятся с морскими обитателями.

Уж лучше бы помалкивали, ведь их слова только разжигали любопытство, а жажда знаний уводила всё дальше и дальше от родного дома.

Дом находился в океанских глубинах вдали от суши, со всех сторон окружавшей воду, и неспроста, ведь её сородичи опасались людей с крючками и сетями, словно по волшебству рассекающих волны на судах. Много ходило жутких историй о том, как грубое железо пронзает серебристые плавники и тащит морской народец на палубы кораблей, где алая кровь льётся рекой обратно в море, и на запах собираются хищники, что вечно рыщут в поисках жертвы.

Иногда налетал шторм, разнося корабли в щепки, люди падали в воду и тонули, погружаясь на дно, — этим, считай, повезло. Невезучих пожирали бродячие морские охотники с серебристо-серыми телами, чёрными глазами и белыми-белыми зубами.

Найдя затонувший корабль, Русалка с любопытством осматривала останки, собирала всякие странные вещицы и дивилась, чего только не придумают люди. И тут её находил кто-нибудь из родных и, распекая за бестолковость, тащил за руку домой. А она всю дорогу тоскливо оглядывалась через плечо.

Однажды плавая у самой поверхности океана, — родные бы сказали, чересчур близко — она встретила огромный-преогромный корабль, такого ей

видеть ещё не доводилось, с какой-то странной штукой на носу. Совсем как она сама, как русалка, только неподвижная и прикрепленная к кораблю.

Она долго кружила вокруг корабля, пытаясь понять, как моряки привязали ту русалку к судну. Дело непростое, ведь на таком расстоянии приходилось остерегаться, чтобы не попасться людям на глаза, и она лишь мельком бросала взгляд на ту русалку, высунувшись из воды, и тут же ныряла обратно, пока никто не заметил.

Корабль мчался по волнам с надутыми свежим ветром парусами, и вскоре русалку одолела усталость. Но так уж хотелось всё разглядеть, хотелось узнать, что она из последних сил гналась за тем кораблём, даже когда тягаться стало уже невозможно. Хвост свело судорогой, она замешкалась — и вот корабль уже где-то вдали, и вскоре скрылся за горизонтом.

Русалка оказалась одна-одинешенька вдали от родного дома и не знала, как найти дорогу назад.

Тут бы ей впору пригорюниться, а то и ужаснуться, и всё в таком духе, но как ни жаль ей было, что может никогда больше не увидеть родных, русалка не слишком расстроилась по этому поводу.

Напротив, она поняла, что можно плыть, куда захочется, и делать то, что вздумается. Ясное дело, за свои ошибки придётся расплачиваться. Русалка была не настолько глупа, чтобы смотреть на мир сквозь розовые очки, но лучше уж набивать собственные шишки, чем плясать под чужую дудку.

Но куда там осторожности до пьянящего чувства свободы.

РУСАЛКА

Тоскливо было русалке на дне морском, хотелось повидать и узнать чего-то большего, и поплыла она вслед за кораблём, ведь рано или поздно пристанет он к берегу, а русалка никогда на суше не бывала.

Вот и приплыла она к берегу через весь океан. Русалка много дней наблюдала за людьми на берегу и за теми, кто выходил в море на лодках. И всегда, всегда была начеку, чтобы не оказаться ненароком на крючке, в садке или сети, потому что дорожила обрётённой свободой, не желая более подчиняться ничьей воле.

Но однажды отвлеклась, пытаюсь снять рыбку, что билась и извивалась на крючке. Русалка старалась помочь, но глупая рыба в панике только мешала. Неожиданно сверху их накрыло сетью — так она попалась.

От страха она совсем потеряла голову, ну точь-в-точь, как та рыба, которой пыталась помочь — молотила хвостом, вырывалась изо всех сил, но как ни билась, лишь сильнее запутывалась, и наконец разъярённую, в фонтанах брызг, её вытянули на сушу.

Увидев необычный улов, рыбак опешил и широко раскрыл темные глаза, полные удивления и восхищения с налётом тоски, которую не сразу и заметишь. Сверкнуло лезвие ножа, и русалка уже была уверена, что сейчас её выпотрошат, но рыбак лишь только что-то сказал на непонятном языке и рассёк путы.

Русалка кинулась наутёк, удивляясь, что человек отпустил её на свободу.

В ту ночь рыбак стоял на пороге дома, примостившегося на каменистом берегу небольшой бухточки, где привязывал на ночь лодку, и смотрел на море. В воздухе уже веяло леденящим дыханием грядущей зимы, впрочем, в северной Атлантике тепла по-настоящему никогда и не бывает. Спрятав руки в карманах штормовки, он вглядывался в морскую зыбь в надежде увидеть, не сверкнет ли в лунном свете серебристая чешуя. Но сколько ни оборачивался при каждом малейшем всплеске, так и не увидел тени плавника той, по которой тосковала душа.

Пожалуй, сгнул он, отпустив её на волю. Кому рассказать, никто не поверит этой истории, а он не собирается выставлять себя дураком в деревенской таверне. Времена ребяческого хвостовства уже позади, но он ещё не совсем старик и был бы не прочь удивить людей, принеся домой настоящую русалку.

Но на такое он никогда бы не отважился. Что правда, то правда. Не смог бы силой держать при себе это необузданное существо с таким неукротимым взглядом, превратить в узницу, воспользоваться её страданиями.

Она была совсем не похожа на сказочных русалок, о которых он наслушался в детстве — бледных обнажённых женщин с длинными развевающимися волосами, отличавшихся от людей только рыбьим хвостом вместо ног.

Та, что попала в сети, выглядела по-другому, вся покрыта серебристой чешуей с перепонками между пальцами, и такими острыми зубами, каких

РУСАЛКА

у людей отродясь не бывало. Но взгляд был как у настоящей женщины, пронизывающий насквозь, и разглядела она ту тоску, что скрывалась в его душе.

И почудилось ему в тот миг, что даже его сердце у неё на виду, и стоило ей только захотеть, ухватила бы его длинными чешуйчатыми пальцами да забрала с собой.

Но вскоре рыбак опомнился и отпустил её на волю, ведь иначе нельзя, да и какое дело русалке до его сердечных мук.

А сам все смотрел на воду в тайной надежде, что сбудется заветная мечта всех рыбаков увидеть русалку, прикоснуться к чуду, глядишь, и ему передастся малая толика волшебства.

Но сколько ни вглядывался, так её и не увидел.

Когда луна начала спускаться к горизонту, он наконец отбросил мечты и пошел в дом спать. Он понимал, что не видать ему больше той русалки, но здраво рассудил, что хоть однажды уже по-счастливилось. Другим рыбакам о таком лишь мечтать, а он прикоснулся к волшебству, чего ж ещё желать.

А тем временем русалка украдкой наблюдала за ним из-под воды, подплыв к самому дому, и поняла, что высматривает он именно её, сама не зная, с чего это взяла, может, из-за той тоски, что промелькнула во взгляде, когда он её отпустил. Запало его одиночество в душу и с тех пор не давало покоя.

До русалки иногда доходили слухи, что передавались по большому секрету, с глазу на глаз,

о тех, кто покинул пучину морскую и вышел на сушу.

Если учесть, что русалки сами по себе волшебные создания, то в этом и не было ничего удивительного, вот и она не считала себя какой-то особенной, потому что всю жизнь прожила среди себе подобных.

В тех рассказах, тех тайных историях стоило только русалке коснуться суши, как рыбий хвост превращался в ноги, и она могла ходить. А если коснется снова морской воды, то плавник и хвост вернутся на место.

Русалке даже никогда раньше не приходило на ум пройтись по суше, но внезапно она почувствовала, что желает этого всем сердцем. Ведь она только и грезила о том, что скрывалось на берегу вдали от моря: столько людей и разных вещей, о которых она и понятия не имела, но хотела узнать, чтобы сохранить в памяти.

Среди скал в той бухте, где рыбак привязывал на ночь лодку, скрывался маленький клочок песчаного берега, окутанный тьмой, которую был не в силах рассеять тусклый свет луны.

Русалка решила, что поплывет к тому месту и коснется сухого песка, чтобы проверить правдивость историй. Сердце так и трепетало от волнения: как было бы здорово, какая свобода, если бы ей только удалось перейти эту грань между берегом и морем. Не так, как это получается у человека, конечно — в воде люди такие неуклюжие,

РУСАЛКА

барахтаются, молотят руками-ногами, только брызги во все стороны летят.

Но она-то не такая, она и в воде ловкая как рыба, и на суше будет грациозной как люди, ей откроется весь мир, и она повидает все чудеса на свете до единого.

Пробравшись в бухту меж острых скал с обеих сторон, высунула она голову из воды и увидела лодку у маленькой деревянной пристани, а за ней узкий клочок берега, от которого к жилищу рыбака вели ступеньки

В окнах хижины было темным-темно, и русалка решила, что рыбак уже спит крепким сном, наружу выглядывать не станет и её не заметит. А если и заметит, то лишь силуэт, шевелящийся в тени — луна в эту бухту не заглядывает.

Подплыла русалка к самому берегу, пока не оказалась на песчаной отмели, где воды осталось совсем чуть, даже хвостом не взмахнуть. Потянулась она к сухому песку как раз за полосой прибоя, да призадумалась

А вдруг ничего не произойдёт? А если все эти рассказы, что передавались с таким заговорщическим видом, пустая болтовня? Вдруг её мечтам о суше и том одиноком черноглазом рыбаке никогда-никогда не суждено исполниться?

Многие бы пали духом, опасаясь неудачи, и не стали рисковать, оставшись в своём болоте. Но русалка была не из таких. Ей надо было проверить, и единственный способ — дотянуться до берега.

Её руки скользнули по сухому песку, и она упивалась этим новым чудом, тем, как каждая пес-

чинка свободно ускользает сквозь пальцы. От прикосновения к ранее неведомому она звонко рассмеялась.

И вдруг живот свело жуткой судорогой, а хвост пронзила жгучая боль, от которой зародившийся было крик застрял в горле. Мука была нестерпимой, невыносимой, никаких чудес, только боль, а потом такой холод, какого испытать ещё ни разу не доводилось. Волны плескались у босых ног, отдавая океанской прохладой. Раньше океан никогда не был холодным, а теперь словно проникал через нежную кожу, возникшую вместо чешуи, в жилы до самого мозга костей, вытягивая последние остатки тепла.

«Как только люди выносят такую стужу?» — подумала она.

Русалка так заледенела, что казалось, только тронь — и рассыплется осколками. Песок, такой чудесный всего минуту назад, царапал до боли при каждом прикосновении, и плечи содрогались от холода.

Её так трясло, что даже зубы стучали, и вдруг показалось, что они как-то сплющились. Ощупав их покрытыми песком пальцами, она заметила — и правда не такие острые, как раньше, а плоские как у людей.

Чешуя исчезла, зубы тоже, а взамен появились эти подпорки — ноги, и не было в них ни лёгкости, ни изящества прежнего хвоста, лишь неподъёмная тяжесть, влекущая к земле.

Кажется, кто-то мечтал стать человеком? Думал, что перед ним откроется весь мир? Ну так мир не